

Л. Ольшки

**История научной литературы на новых
языках**

Том 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л11

Л11 **Л. Ольшки**
История научной литературы на новых языках: Том 2 / Л. Ольшки – М.: Книга по Требованию, 2016. – 220 с.

ISBN 978-5-458-24156-4

Этот том "Истории научной литературы" посвящен культуре позднего итальянского Возрождения и описывает научное исследование, философское мышление и эрудицию этой эпохи в связи с литературой и общим состоянием образованности догалилеевской эпохи.

ISBN 978-5-458-24156-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Предисловие.

Этот том «Истории научной литературы» посвящен культуре позднего итальянского Возрождения и описывает научное исследование, философское мышление и эрудицию этой эпохи в связи с литературой и общим состоянием образованности догалилеевской эры.

Готовый в основных частях третий том говорит о предшественниках Галилея, его сочинениях и его школе. В центре оригинальной философской литературы поставлены труды Джордано Бруно, между тем как часть, посвященная математике, занимается, главным образом, литературной историей решения кубических уравнений, а посвященная физике — практической механикой. В заключение дан стилистический анализ сочинений Галилея и вскрыта его роль в обновлении научного мышления, литературной и научной прозы. Четвертый том намечен как история научной литературы во Франции и охватывает столетия между Оресмом и Декартом. Сюда должен примкнуть разбор философской литературы до Руссо и физико-математической до д'Аламбера и Лагранжа.

Удастся ли автору подобным же образом набросать историю немецкой научной литературы, сейчас решить трудно. Читатель может себе представить крайнюю трудность этой задачи, если он вспомнит, что Ноткер уже около 1000 года старался создать научный немецкий язык, между тем как Гаусс в XIX в. пользовался главным образом латынью, а отчеты Берлинской академии наук в течение ряда десятилетий составлялись по-французски.

Оглавление

Предисловие

I. Философия и научное исследование эпохи Возрождения.

Латынь и народный язык — 3. Гуманисты и неоплатоники — 5. Позднейшие схоластики — 6. Телезио — 8. Патрици — 9. Кампанелла — 10. Практическая натурфилософия — 11. Кардан — 13. Умонастроения и образ мышления — 14. Естествознание — 16. Естествознание и археология — 17. Улисс Альдрованди — 19. Описание животных — 20. Камни, металлы и растения — 22. Цезальнин — 23. Везалий — 24. Физиология и анатомия — 25. Анатомический рисунок — 26. Практическая, ученая и магическая математика — 27. Практическая, спекулятивная и теоретическая механика — 29. Практическая и ученая астрономия — 34. Коперник — 36. Коперник, Бруно и Галилей — 39.

II. Латынь как научный язык в эпоху Возрождения.

«Humanitas» — 43. Распространение латыни — 44. Ученая латынь — 46. Преимущества и недостатки ученого языка — 47. Научная терминология — 48. Номенклатура описательных наук — 52. Анатомическая и медицинская терминология — 53. Новый научный стиль — 55. Индивидуальности и их отражение в стиле — 56. Стиль Фракастаро — 61. Стиль Везалия — 62. Евстахий — 64. Стиль анатомического описания — 66. Стиль математиков — 67. Стиль Коперника — 69.

III. Борьба против латыни.

Причины борьбы — 71. Ученость, опыт и образование — 73. Великие путешествия — 74. Познания Колумба — 76. Влияние открытий — 77. Отчеты о путешествиях — 78. Отношение ученого мира — 79. Споры об основных законах механики — 81. Распространение коперниканского учения — 83. Научная публицистика — 85. Коперниканское учение и публицистика — 87. Пути распространения в широкой публике — 88. Проповедь — 89. «Божественная Комедия» в эпоху Возрождения — 90. Образование и язык — 91. Сатира на ученых — 92. Апология «здорового смысла» — 95. Тип педанта — 97. Настроения широкой публики — 99. Мнение ученых — 101. Сперони — 102.

IV. Популяризация науки.

1. Академии — 106
Флорентинская академия — 106. Задачи флорентинской академии — 108. Публичные доклады — 110. Другие академии — 116. «Accademia del

	Disegno» — 117. Деятельность Катальди и Ланти — 118. Научные объединения в Венеции — 120. Дискуссия о коперниканском учении — 122
2. Переводчики	— 123
	Обогащение языка — 123. Переводы Плиния и Витрувия — 124. Старейшие переводы — 126. Выдающиеся переводчики — 129. Маттиоли и его перевод Диоскорида — 131. Переводы Птолемея — 133.
3. Популярно-научная литература	— 134
	Светский дилетантизм — 135. Алессандро Пикколамини — 137. Проблема научного языка у Пикколамини — 139. Теория познания и логика — 139. Натурфилософия Пикколамини — 140. Отношение к Пикколамини — 146. Философские энциклопедии — 147. Астрономия и математика — 149. Механика и метеорология — 157. Оккультные науки — 159. Астрология — 160. Алхимия — 163. Бирингуччи — 165. Реалистическое восприятие природы у Бирингуччи — 167. Социальные убеждения Бирингуччи — 169. Литературный стиль Бирингуччи — 171. Магия и наука — 172. Тассони — 175. Научный язык — 184.

V. Формы научного изложения.

	Макиавелли — 186. Стиль Макиавелли — 189. Discorso — 193. Диалог — 195. Письмо — 198. Памфлет — 202.
Предметный указатель	203
Указатель имен	216

ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА В ЭПОХУ
РЕНЕССАНСА В ИТАЛИИ

I. Философия и научное исследование эпохи Возрождения¹.

Если мы бросим взгляд на научную литературу позднего средневековья и раннего Возрождения, то во всех странах увидим одну и ту же картину: характерное для эпигонства стремление придерживаться испытанных временем и сильных авторитетом традиций и в связи с этим по-школьному прилежное выписывание цитат, пересказы и комментирование. Если новые идеи решаются робко выглянуть на свет, если начинают шевелиться предчувствия новых возможностей в области науки и мысли, то старые привычки мышления заставляют ум идти по знакомым и предписанным путям. Между тем как реальный мир постепенно изменяется с обновлением всех форм жизни, духовный неподвижно держится за старое. Но это расхождение ощущается все сильнее и сильнее, потребность в обновлении образования и веры делается все определеннее и сознательнее. С того момента, как некоторые избранные умы почувствовали в себе порывы новой молодости человечества, они стали искать себе подобных в прошлом. Пока Галилей не обнаружил смысла и ценности опыта, Декарт не научил людей искусству размышлять о самих себе и Паскаль не сформулировал идею прогресса, всем, кто отходил от традиционного образа мыслей, современность представлялась отображением или продолжением античности. Созерцание древности ощущалось, как созерцание своего внутреннего мира: Петрарка и Макиавелли нашли духовную родину в Риме, Фичино — в Греции, Лютер — в раннем христианстве. Но южное Возрождение отличается от северного тем, что первое было эстетическим и историческим, второе — просветительным и революционным. В силу этой исторической установки своей культуры юг

¹ Этот синтетический обзор стремится выяснить общее в многообразии явлений. Отдельные системы и направления не раз были предметом весьма компетентного анализа в цитируемых здесь сочинениях. Здесь надо упомянуть в первую очередь обобщающее и в то же время детализированное исследование Морица Каррера о миросозерцании философов Возрождения, а также новые исследования Эрнста Кассирера («Das Erkenntnisproblem», т. I). Известные учебники по истории философии Виндельбанда и Ибервега-Гейнце в последних изданиях присоединяют к краткому разбору отдельных трудов библиографические и биографические дополнения. Компетентный читатель легко поймет из последующего изложения цели и метод автора.

оценивает, объясняет и обогащает современность, исходя главным образом из явлений и духовного наследия античности.

Внешним выражением схоластических навыков мышления было господство латинского языка; в новой разработке древних языков выражается эстетический и исторический дух гуманизма. Для широких масс латынь и в том и в другом случае была стеной, отделявшей их от тайн науки.

С того времени как эти тайны были разоблачены сатирой, направленной на ученых и педантов и давшей выражение скептицизму людей, не принадлежавших к касте, и новым требованиям, предъявленным к образованию, пошатнулось и значение латыни, как научного языка. Деятельные писатели и дельцы издатели, заинтересованные в возможно более широком распространении своего производства, выбрасывают на рынок многочисленные переводы латинских и греческих книг ученого и научного содержания. Возникает новая отрасль литературы — научно-популярная. Все время создаются ученые кружки, в которые входят профессиональные ученые и любители; эти кружки называют себя академиями и постепенно специализируются. При дворах ведутся беседы философского характера, в которых впервые принимают участие женщины и светские люди. Сражения по спорным вопросам эрудиции и науки ведутся в присутствии широкой публики; масса непредвзятых и разумных людей приглашается в качестве судей, причем иногда это делается открыто, иногда подразумевается само собой. Здесь, в литературной обработке ученых реалий и философских познаний, в светских беседах буржуазного или придворного общества, в научной публицистике, язык, достигший высочайшей выразительности и точности благодаря богатой и разносторонней литературе, делается орудием всех научных толкований.

Сознание национальности в языке и чувство действительности ощущались как нечто тождественное. Если Данте посвятил большую часть первой части своего «Пира» задаче оправдать употребление народного языка в своей философской книге и с горечью говорил об этом неизбежном зле, то авторы XVI в. оправдывают понятность своих книг для всех гордых чувством самостоятельности, которое, впрочем, до Джордано Бруно и Галилея было лишь самообманом¹. Только у этих мыслителей их умственные переживания настолько могущественны, что дают возникшим из них истинам непосредственное, правдивое и индивидуальное выражение. Здесь повторяется в области мышления и исследования то же самое, что случилось в раннюю пору итальянской поэзии. Более или менее поэтически одаренные литераторы до Петрарки и Боккачио давали своим ощущениям выражение, которое било ключом или вырывалось из жизни чувства².

¹ Почти весь первый трактат «Пира» (*Convivio*) посвящен оправданию употребления народного языка в философских рассуждениях (гл. 4—13). «Из тысячи знающих латынь один разумен; прочие пользуются своими знаниями, чтобы добиться денег и почестей». Поэтому свет стал низко ставить писательство и признавать благородство духа только у князей и людей, чуждых литературе и науке.

² Ср. Dante, *Purgatorio*, XXIV, 52 и след.

Они повиновались внутреннему побуждению и хотели, чтобы их поняли жены и друзья ¹.

Позднее непосредственность созерцания мира и могущественная любовь к правде делают теми силами, которые заставляют мыслителей и исследователей говорить так, как они думают, и думать так, как они говорят. И они подчиняются внутренней необходимости и желают, чтобы все их понимали и судили о них. Они общительны, как лирики. Пережитое в области интеллекта для них одновременно и дело чувства, и общее достояние. В этом чувстве встречаются Данте и Галилей, в остальном так далеко стоящие друг от друга. Их пути имели разные цели и направления; но импульс у обоих был одинаково силен, воля в ее глубочайших проявлениях — идентична. То, что они ощущали как истину, они хотели всем возвестить и всем сделать понятным. Они стоят на исходе и на пороге великих эпох в истории духа, сменявшихся в процессе борьбы. Между ними, будем ли мы их рассматривать как мыслителей или как писателей, бушует борьба традиции с новым опытом, сущность которой раскрывается в борьбе языков. Но только Джордано Бруно и Галилей понимали все значение противоречий, приведших их к боям, в которых они пали победоносными жертвами. Только Галилей в основных, определивших будущее, нововведениях своего исследовательского и диалектического метода смёл последние остатки традиции; все его ученые предшественники лишь объявили ей борьбу, на деле подчиняясь ей. Он всех их преодолел и всех использовал.

Младшая из этих традиций — гуманистическая — скоро перестала пользоваться авторитетом. И прежде она пользовалась им лишь в пределах, ограниченных местом и временем; она распространялась на избранные умы Флоренции, пока могущество Медичи поддерживало Платоновскую академию. Со смертью Лоренцо Великолепного (1492) и Фичино (1499) исчезло это убежище античного духа и александрийского благочестия. Учение Платона, правда, потеряло при этом своего папу и своего апостола, но лишь для того, чтобы стать общим достоянием всех образованных людей. Вкус и образованность распространили гуманистическую культуру даже в лагере самых закоренелых перипатетиков. Но платонизм и гуманизм остались в служебном положении. Они служили теоретическому и эстетическому облагораживанию действительности, истолкованию и обогащению современности. Они не нападали на догму, а обновляли, расширяли и укрепляли ее. Перевод платоновских диалогов, сделанный Фичино, и его комментарий не имеют тех революционных тенденций, которые им приписываются; ради них забывают его оригинальный труд «*De christiana religione*» и его «*Theologia platonica*», в которых он, синкретически сплавливая мир и учение античности с христианством, пытается придать новую значимость догме и даже суевериям ². Равным образом

¹ Ср. Dante, *Vita nuova*, XXV.

² Как в 18 книгах «*Theologia platonica*», так и в трех книгах «*De vita coelitus comparanda*» самое пошлое суеверие смешано с платоновскими реминисценциями и с библейскими фразами и историями.

и позднейший неоплатонизм, безудержно изживающий себя в научно-популярной литературе, разоблачается обстоятельствами своего возрождения¹. Религиозный синкретизм и философский эклектизм — вот духовное наследие гуманизма чинквеченто, не говоря пока о формальном и научном его наследии. Многих оно сделало мечтателями, никого не научило думать, воспитало у большинства путаницу понятий. Все, что гуманисты могли дать в области нравственной философии и естествознания, когда они хотели быть не только красноречивы, не идет дальше поверхностных трактатов Понтано о различных христианских и языческих добродетелях и его астролого-медицинской науки о небе².

Здесь, как и во всех других аналогичных работах гуманистов, учения христианской морали преподносятся в антикритической форме, доктрина Птолемея смешана с самыми вульгарными суевериями³. Ни один из них не сумел эмансипироваться от Сенеки и Плиния. Самое большее, они наваливали на них всю эрудицию, добытую со времен средневековья, нелепости, выдуманные мистическими и магическими тайными учениями, старинными и народными суевериями.

С концом Флорентинской академии стал беспредметным спор между сторонниками Платона и Аристотеля, который мог бы быть плодотворней, чем он был на самом деле. Сторонники Аристотеля вышли из него усилившимися и обогащенными. Схоластическая реставрация, разбитая и опрокинута только Галилеем и Декартом, опять на целое столетие посадила Аристотеля на трон. На кафедре он никогда не переставал царить.

В сущности едва ли была надобность в реставрации старой университетской философии и науки. Церковно-схоластическая традиция аристотелианства несколько не потеряла того могущества, которым она обладала в предшествующем столетии, и сохранила его в Италии и после конца чинквеченто. Она немножко потеряла в уважении, но ничего в авторитете. Она продолжала давать всем духовное формирование и воспитание, даже самым эмансипированным гуманистам она давала основу всякого знания и познания. Ее изолированное положение осталось прежним⁴; разделение мнений в принципиальном по-

¹ Гемист Плетон явился в Италию на Феррарский собор (1435) с задачей соединения греческой и римской церквей. Таким образом он стал «духовным» посредником между христианскими востоком и западом.

² Морально-философские сочинения Понтано трактуют *de prudentia*, *de liberalitate*, *de magnificentia* и т. д. Их источниками, наряду с христианской моральной философией, являются Аристотель, отцы церкви и латинские моралисты. Ср. Tallarigo, *Gioviano Pontano*, стр. 393—482. Главный труд Понтано по естественной истории — 14 книг *de rebus coelestibus*, Firenze, Giunta 1520. Здесь излагается наука о небесных светилах для составления гороскопов. Затем следует астрологическая физиология, причем особенное внимание обращено на половые извращения, и астрологическая же этиология и терапия болезней.

³ Например Понтано объясняет, почему волосы у женщины длиннее, чем у мужчин; почему он испытывает удовольствие, когда его щекочут, между тем как другие этого не любят; что нужно для того, чтобы усилить рост рогов у скота и т. д.

⁴ См. том I, стр. 19 и след.